

Тимохин А.

ТЕХНИЧЕСКОЕ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ.

Говоря о какой-либо эпохе, мы ощущаем себя в состоянии обозначить ее всего лишь одним словом так, чтобы оно выражало вся суть описываемого времени. Мы говорим о эпохе Ренессанса, веке просвещения и т.д. Наше время уже привычно называется веком техники, и в этом никто не в состоянии усомниться. Из всех революций, меняющих культурную, социальную, геополитическую действительность, наиболее радикальной несомненно остается научно-техническая. Сегодня техника сопричастна всем явлениям и проблемам на всех уровнях человеческой деятельности. Однако, сама техника становится проблемой и явлением в контексте ее философского рассмотрения. Философия должна понять технику, поэтому доклад и называется "Техническое: проблема понимания". В нем осуществляется попытка уяснить место техники в том событии, участником которого является человек. Словосочетание "понимание техники" допускает двоякое толкование: с одной стороны, разговор может идти о том, как понимается техника в философии, с другой стороны, как вообще возможно понимать технику, осознавать ее вокруг себя. Сначала о сущностном понимании техники. Я различаю два подхода к решению этой проблемы, один реализован у К.Маркса, другой – в гуманитарно-антропологическом направлении философии XX века

В нашем столетии о технике говорит последнее, естественно, задаваясь вопросом как сущность техники соотносится с сущностью человека. Его ответы таковы, что заставляют видеть наше отношение к технике в качестве противоречия, внутри которого мы должны утратить себя, измениться и т.д. Антропологическая философия использует тему техники, чтобы противопоставить подлинное бытие человека (в религии, искусстве, нации) неподлинной копии нашего существования, данной в массовости, бездушности, искусственности сегодняшнего бытия. И хотя она дает подробнейший анализ того, чем является техника в истории и культуре Запада, она мыслит технику каузально, т.е. как не имеющую самостоятельной сущности; исторично т.е. как из чего-то развившуюся, складывающуюся постепенно и способную исчезнуть по каким-то причинам. Таким образом, в свете этих концепций, техника представляется чем-то случайным по отношению к человеческому существу, порой даже как наше заблуждение, которого можно было бы избежать. Выводы гуманитарно-антропологического направления философии таковы: техника есть явление локально историческое, а не метафизическое, она возникла в Новое время, благодаря европейской науке. Техника не тождественна человеческому существованию, не является его непосредственным событием, а лишь связана с ним через конкретную ситуацию, в рамках которой он волен решать о необходимости этой связи. В антропологической философии подчеркивается чужеродность сущности человека и техники, мысля, по-видимому, их происхождение из разных источников.

Противоположную точку зрения мы видим у К.Маркса. Должно признать, что она ближе подходит к пониманию существа техники, "поскольку – по словам М.Хайдеггера – Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории (как судьбы Бытия и судьбы человека –А.Т.)... марксистский взгляд на теорию превосходит другие исторические теории".¹ Согласно марксистской точке зрения, судьба человека изначально отождествлена с производством и, как следствие этого, с техникой. Всякое событие человеческого существования детерминировано его местом в системе производственных отношений, равно как и вся история есть развитие производства. Человеческое существование есть промышленное существование, в пределах которого сам человек является одной из частей и движущих сил производства. Подобный взгляд на историю уместно назвать чудовищным, именно он, возможно, породил ту волну критики техники, что была так популярна в XX веке. Возникает вопрос, не была ли эта критика продиктована так же желанием отвернуться от марксистской картины техники, как от яркого света. Ужас, диктуемый этой картиной сродни метафизическому ужасу, описанному М.Хайдеггером в статье "Что такое метафизика". Он позволяет увидеть границу между хаосом и космосом человеческого существования,

где звучит "голос Бытия", дающий человеку доступ к так или иначе представляемому существу, выводящий человека и вещь на простор события. "Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец."ⁱⁱⁱ В этой цитате Ф. Энгельса дана, как мне кажется, квинтэссенция всей философии техники. Марксизм и является такой философией, в ней техника понимает мир сообразно своей сущности, своему способу становления как сущности сущего, бытие есть производство, раскрытие этого бытия происходит в человеке, который не только сам производит нечто, но и природу представляет как производство. В результате этого представления и существует мир техники, как совокупность средств для достижения целей. В марксистском понимании техники важно подчеркнуть два момента: единственно возможным отношением человека к бытию сущего, при котором оно перестает быть для его неуловимым и дает условие для понимания явлений природы, может быть лишь производство, это первое, и, второе, если есть производство, то оно как единственный способ отношения человека к бытию составляет все существование его, интересующая же нас техника, следовательно, будет тем, чем человек представит все сущее посредством производства. Не смотря на близость марксизма к существованию техники, данное исследование ее сущности не может быть исчерпывающим. Это истолкование является производным, оно продиктовано самой техникой, в нем производство в лице техники уже управляет нашим представлением.

Обе точки зрения на сущность техники подводят к потребности феноменологического понимания техники. Марксизм, философская антропология определяют технику как специфический, определяющий момент современной ситуации и потому не безразличный для нас, а требующий участвующего понимания. Говоря о технике мы уже реализуем возможность какого-то понимания, являющегося феноменом нашего сознания, интенциональность которого в качестве предметности имеет технику. Непосредственная задача доклада попытаться сформировать подход к рассмотрению этого феномена: понимания техники \технического\. Одновременно, необходимо показать ту область опыта сознания, как целостной структуры, которую занимает опыт технического. Соответственно, встает вопрос о границах этого опыта и их соотносительности с сознанием в целом.

Понять технику- значит, прежде всего, объяснить, как она оказывается вовлеченной в горизонт человеческого существования, что и как определяет ее место среди других вещей и, возможно ли, что в едином горизонте обнаруживается нечто чуждое обладателю этого видения. Экспозицию ответа на эти вопросы целесообразно выстроить в рамках обыденного опыта, ибо хотя он и считается суррогатом всех видов познания, является пространством, вмещающим человеческое существование и любой иной опыт: теоретический, социальный и прочий находятся в отношении экспликации с событиями, случающимися в нем. Иными словами, прежде чем техника станет объектом пристального изучения теории, она должна стать предметом обихода, оказаться значимой для существования, овладеть человеческим вниманием. В этом овладении человеческим вниманием и совершается первоначальный акт понимания технического. Этот акт должен иметь место прежде, чем техника появится в наличном существовании, чтобы мы оказывались соразмерными для ее притяжения или неприятия.

Можно ли допустить в гипотезе существование человека, непонимающего технику? Да. В целом, таковым является всякий не европеец. Техника и традиционность с трудом уживаются в культуре сознания человека, поэтому европеизация и технизация идут рука об руку. Но возможен ли, в принципе, человек, для которого техника не существует? Таковым является любой представитель общества, недалеко ушедшего от первобытного и, хотя он пользуется примитивными средствами и его можно обучить работать на любом устройстве, механизм, с которым он не знаком, понятен ему не больше, чем камень, и если камень для него что-либо значит, то механизм нет. Мы же, как нам кажется, легко способны отличить механизм от не механизма, даже не зная его назначения и обнаружить механизм там, где его явно

нет, например, в обществе, истории и т.д. как это делает марксизм. И так, мы понимаем технику не потому, что имеем с ней дело, а, наоборот, поняв нечто как техническое, мы вынуждены сталкиваться с ним в наличном бытии. Подобные тавтологии существования и понимания излюбленная тема М.К. Мамардашвили. "То, что мы принимаем, то что мы должны принять, как откровение, – есть то, смысл чего не ограничен и не раскрывается в терминах мира, и что можно, поэтому, лишь принять". "Чтобы принять откровение, нужно его уже знать, оно уже должно быть, иначе мы его даже не могли бы узнать."ⁱⁱⁱ Применительно к этой теме можно перефразировать и так, что прежде чем быть в наличии, техника должна быть в сознании, естественно в виде актов "открывающих" нам действительность. Бытие техники укоренено в понимании мира. Мы зачастую не осознаем специфику нашего сознания, как спроектированного непонимание техники, нашего сознания в его отличии, скажем, от мифологического, поэтического и любого иного. Эта неосознанность отчасти объяснима тем, что "техническое понимание" оказывается распространенным на все, с чем мы имеем дело в наличном существовании. Техника и наука считаются чем-то дополнительным, тогда как составляют основание сущего, лишь через них все остальное способно присутствовать. Техника слишком просто расположена в нашем кругозоре, чтобы быть в нем чем-то случайным. Попытка указать на что либо не техническое будет трудна и в результате дает такой ответ: естественное. Оценив две эти сферы, приходится констатировать ускоренное оскудение последней из-за размаха, набираемого первой. Обращает внимание и тот способ, каким дано нам естественное в рамках технически понимающего сознания. В поисках естественного мы обращаем свой взгляд на цветы в нашей комнате, но они существуют, благодаря горшку, обеспечивающему им почву и крану, дающему воду для полива. Далее, наши глаза, чтобы увидеть деревья как естественное, смотрят в окно и оказываются видны через техническое окружение технического. Чтобы непосредственно оказаться на природе, нужно воспользоваться техникой, как средством для передвижения. Даже идеи экологии, стремясь к восстановлению естественного, представляют мир не иначе как дом, устраиваемый посредством техники и не способный существовать без ее поддержки. Возникает опасение, что всякое явление, доступное нашему пониманию, дано не иначе как техническое. И, вообще, имеем ли мы роскошь позволить себе обладать несколькими типами понимания: одним для технического, а другим для естественного; и не приходится ли нам, чтобы сделать технику доступной пониманию, отказаться от понимания всего остального мира или быть вынужденными представлять его как технику. Не рискуя углубляться в анализ технически понимающего сознания, хотелось бы остановиться на том, каким образом весь мир явлений, в нем данных, может быть миром техники, ведь это не очевидно. Для разъяснения этого момента можно прибегнуть к пониманию явления таким, каким его видел М.Хайдеггер, он говорит о явлении как о себя – не – казании. "Явление как проявление "чего-то" означает соответственно как раз не показывание самого себя, но давание знать о себе чего-то, что себя не кажет, через нечто, что себя кажет"^{iv} и значит, понимание схватывает в своем кругозоре по особенному себя не показывающее, определенным образом кажущееся. Понимание-необходимое условие кажимости, то что в явлении не понято есть себя не кажущие, открыв себя техническому пониманию все явленное приходится понимать технически, дав ему возможность казаться так ли иначе, но если при этом наш способ понимания окажется несоразмерным, то явление не сможет показать себя полностью и при всей ясности восприятия окажется сокрытым для нас. Нетехническое в явлении оказывается за гранью нашего кругозора, оно себя в нем не кажет и нам не понятно. Глядя на естественное мы понимаем его настолько, насколько оно открыто нам в качестве технического. Ограниченность такого понимания легче всего наблюдать в речи, где одними и теми же знаками могут быть описаны любые ситуации, и понимание здесь служит ключом для восприятия прочитанного. Текст повторяет описываемую тавтологию: прочитать в нем можно лишь то, что уже понятно, еще до того как открыл книгу. Если сказанное выше верно, то в речи будет пониматься лишь то, что открыто технически понимающему сознанию, в этом смысле показателен феномен непонятых писателей.

Одним из таких был Ф.Гельдерлин. Его понимание действительности коренным образом отличается от нашего, потому что оно нетехнично, он понимает не из обыденного опыта, а из мифа и, как следствие, его мир ничего не имеет общего с нашим. Именно эту разницу между пониманием Ф.Гельдерлина и пониманием в обыденном познании стремится показать М. Хайдеггер, подчеркивая при этом, что в рамках технического не может оказаться лично естественного, "задумается о контрасте, звучащем в этих двух личных именах собственных "Рейн", встроенный в гидроэлектростанцию для производства энергии, и "Рейн", о котором говорит произведение искусства, одноименный гимн Ф.Гельдерлина." ^v Ограниченность технического понимания видна не только в поэзии, но и в истории: чем меньше следов материальной культуры видим мы в древности, тем меньше знаем о ней, более того, понимать те или иные артефакты мы можем только по аналогии с нашими техническими устройствами, духовная же культура, вообще, остается за пределами нашего понимания. Здесь, пожалуй, можно подвести итоги: в обыденном опыте, обиходе мы имеем дело с некоторыми вещами, эти вещи доступны нам постольку, поскольку мы обеспечены возможностью понимать их, поняв их как нечто мы выстраиваем горизонт, внутри которого есть место лишь тому, что схвачено одним единственным понимающим актом (о специфике которого еще ничего не сказано). Так случилось, что преимущественно наше окружение составляет нечто понятное нам лишь как техника, значит наше понимание проектирует свой кругозор исключительно как технический, присутствие других возможных кругозоров отличных от описанного, ощущается в поэзии, истории и культуре как граница, доступная пониманию. Соглашаясь на наличие в нашем опыте техники, делая себя соразмерными ее притяжению, мы вынуждены все принимать как технику, в рамках техники: структурам понимания техники принадлежит тотальность нашего понимания.

ⁱ Хайдеггер М. Время и бытие. //Статьи и выступления. – М.:Республика,1993. – С.207.

ⁱⁱ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3-х т. – Т.3. – М.:Политиздат,1983. –С.384.

ⁱⁱⁱ Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. //Квинтэссенция: Философский альманах,1991. – М.:Политиздат,1992. – С.129-131.

^{iv} Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem,1997. – С.29.

^v Хайдеггер М. Время и бытие. //Статьи и выступления. – М.:Республика,1993. – С.227.